

© 2002 г. В. ДИТРИХ

**ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ АМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ
НА РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ (II):
"ОБЩИЕ ЯЗЫКИ": АЦТЕКСКИЙ, КЕЧУА И ТУПИ.
СУБСТРАТ, АДСТРАТ ИЛИ ИНТЕРСТРАТ?***

**4. ЭТАПЫ ЗАВОЕВАНИЯ ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ АМЕРИКИ (ИСПАНОАМЕРИКИ)
И РАННИЙ ПЕРИОД КОЛОНИЗАЦИИ БРАЗИЛИИ**

4.1. Введение. Второй этап завоевания Испаноамерики начался с территории Кубы в 1519 г., а именно, Эрнан Кортес подчинил себе ацтекскую империю мексиканского нагорья, а затем и остатки империй майя в Юкатане, в Гватемале и в остальной части Центральной Америки. В 1535 г. Мексика приобретает статус вице-королевства "Новая Испания". Третий этап охватывает период с 1531 по 1556 гг. Писарро завоевывает сначала (1531–1533) империю Инков на центральном нагорье Анд и основывает в 1535 г. Лиму, ставшую столицей "Новой Кастилии". В 1542 г. вице-королевством становится Перу, а оттуда завоевания простираются в северном направлении, охватывая районы Эквадора и Колумбии, а также в южном направлении, вплоть до современной Чили. Из Испании делаются попытки освоить районы Рио-де-Плата, сначала с переменным успехом, а затем постепенно удается завоевать Парагвай (был основан Асунсион в 1537 г.) и Боливию (Потоси открывает в 1545 г. месторождения серебра). Колонизацию Венесуэлы в 1528 г. император Карл V предоставил аугсбургскому торговому дому Вельзеров, однако в 1546 г. этот торговый дом отказался от такого плана и за дело взялась Испания. Таким образом, к концу правления Карла V все, что можно было завоевать в Испаноамерике по договору в Тордесильясе, было завоевано. Освоение и эксплуатация новых земель, а также охват миссионерской деятельностью новых поданных испанской короны начались уже в это время, но в полной мере происходили в последующий период [Dietrich, Geckeler 1993].

Бразилию открыл в 1500 г. Педру Альвариш Кабрал в том районе, который позже назовут *Салвадор (Баия)*, однако лишь в 1532 г. было заложено первое португальское поселение Сан-Висенте (под Сантос). Первой столицей стал основанный в 1549 г. Сальвадор-да-Баия, ставший в 1554 г. центром южной части Сан-Пауло. Основателем был патер бразильской миссии иезуитов Жозе ди Аншиета (родом с Канар), первым описавший грамматику языка тупинамба (см. 2.6). Рио-де-Жанейро, изначально французское владение, переходит в 1567 г. в руки португальцев. На северное побережье от Пернамбуко до Мараньяо одновременно претендовали голландцы, французы и – на первых порах ненастойчиво – португальцы. Такое положение сохранилось до 1654 г., даты изгнания голландцев из Пернамбуко. Заселение Бразилии (вряд ли можно говорить о завоевании, поскольку на пути колонизаторов здесь не было никаких индейских империй) длительное время происходило только на побережье, так что остальная часть континента не была освоена вплоть до XVIII века. Португальские

* Окончание. Начало: В. Дитрих. Влияние америндских языков на романские (языковые контакты в Северной Америке и странах Карибского бассейна) // ВЯ. 1999. № 3.

поселенцы прибывали обычно без женщин, вначале вступали в связь с местными жительницами, поэтому "мамлюки" впоследствии составили большинство бразильского метисского населения: однако от первой половины XVI в. через посредство португальских чиновников, путешественников и т.п. до нашего времени дошло не очень много слов индейского происхождения, которые употреблялись бы в современном бразильском или европейском португальском. Свидетельства подобного рода мы находим у французских и немецких путешественников и искателей приключений (А. Тевэ, Ж. де Лери, Г. Штадена). Тем не менее, довольно вероятно, что в шестнадцатом веке обычным языком смешанных семей был "бразильский язык", возникший из тупинамба (Tupinambá) и служивший в качестве языка общения между переселенцами и индейцами тупинамба, а также и другими индейцами, выучившими этот смешанный язык в миссиях. "Бразильский язык" использовался также в общении с африканскими рабами. Этот язык процветал, главным образом, в областях, значительно удаленных от столицы – Баия. Там дети начинали изучать португальский только в школе в качестве письменного языка [Rodrigues 1986: 99–101]. Первое документированное обращение к туземным языкам можно констатировать у португальских миссионеров.

4.2. Начало миссионерской деятельности и образование "всеобщих языков" ("*lenguas generales*" / "*linguas gerais*"). Колумб еще в своих первых письмах (от 2 и 12 ноября 1492 г.) говорил о необходимости обращения индейцев [Rosenblat 1964: 193]. Первые миссионеры принадлежали к нищенствующим орденам (францисканцев, доминиканцев, августинцев). Христианизация предполагала привитие испанского языка высшим слоям индейского общества. В Бразилии же миссионерская деятельность началась только с прибытием в Баия иезуитов (1549, ср. [Handelmann 1987: 113]), когда отношение к выбору языка изменилось. После того как Тридентский церковный собор первых заседаний (1545–1547 гг.), а после этого и испанские законы об Индиях ("*Leyes de Indias*") от 1550 г. (кн. VI, раздел I, закон 18) предписали использовать испанский язык в миссионерской деятельности среди индейцев, из-за слишком большого количества и недостаточной приспособленности (то есть, якобы недостаточной разработанности) туземных языков выражать истины веры. Третий церковный собор в Лиме 1583 г. принял противоположное постановление: преподавать индейцам на их собственном языке, поскольку опыт показал, что назидания по-испански либо совсем не были понятны, либо понимались неправильно. С этого времени во всех центрах основывались кафедры (*Cátedras*, у автора *Lehrstühle* – прим. перев.) главных языков, на которых проповедники должны были учиться как минимум в течение года – иначе же им грозило отстранение от проповеднической деятельности. Филипп II в 1596 г. попытался отменить эту сложившуюся в Америке языковую практику, введенную Лимским собором, однако ему это не удалось [Tovar 1984: 191 и сл.].

Начиная с 1583 г. появляется большое число описаний языков, использовавшихся в миссии. Эти почти официальные описания возникли, естественно, на кафедрах, специально для этих языков основанных, но базировавшихся на многолетнем языковом опыте миссионеров предшествовавших десятилетий. На этих кафедрах занимались такими языками, как науа в Мексике, кечуа в Лиме и в Кито, чибча (мунска) в Боготе, а с 1666 г. и чилийским арауканским языком мапуче, который преподавался также в Лиме. Язык аймара изучался на "кафедре" в Лиме очень недолго.

Кафедры поддерживались государством в университетах столиц вице-королевств, на них работали иезуиты, выполнявшие большую часть миссионерской деятельности. Другие языки описывались и преподавались в самих орденах. Например, в ордене францисканцев – кумангото (карибе) в Венесуэле; гуарани в Бразилии (начиная с 1549 г.) и в Парагвае (по меньшей мере с 1612 г.) – у иезуитов. При описании этих языков всегда речь шла о сведениях (*reducción*) этих языков к искусству или к грамматике ("*a Arte*" или "*a Gramática*"). Отсюда, естественно, вытекает то обстоятельство, что от языкового варьирования (главным образом, диалектического), встречаемого и здесь, и везде, отвлекались, а грамматическое описание сводилось к единообразной схеме. Однако это не обязательно означало (вопреки тому, что часто утверждают)

упрощение грамматики и синтаксиса, ибо ранние исследователи этих языков прекрасно знали эти языки. Кроме того, сведение к грамматике (*reducción a Gramática*) в целом состояло в парадигматической схематизации, – скажем, в расплетании запутанного клубка частиц, которые определяют самые разные стороны синтаксиса этих языков и функций которых и сегодня не всегда легко бывает точно определить.

В отношении крупных, широкораспространенных языков американских индейцев, описанных таким образом, очень скоро укоренился термин "общие языки" (*lenguas generales*). Они не только были стандартизированы в результате описания с целью преподавания, но и могли использоваться в рамках миссионерской деятельности на обширных территориях. Этому способствовало распространение языков империи ацтеков в Мексике и империи инков в Перу, – то, что еще в доколумбову эпоху вынуждало мелкие племена принять язык своих господ. "Общие языки" существовали и преподавались на кафедрах вплоть до указа (*cédula*) Карла III в мае 1770 г. о принудительном употреблении испанского языка и о запрете туземных языков [Tovar 1984: 192].

К широкораспространенным языкам, использованным для христианизации, относятся: тупинамба (*Tupinambá*), на котором говорили различные племена на бразильском побережье, тупиниким (*Tupiniquim*), карио/карихо (*Cario/Carijó*), потигуара (*Potiguara*) и т.д. Язык тупинамба иезуиты изучали, описывали и использовали в миссионерской практике с 1549 г., со времени основания Сальвадора-да-Баиа. Очень скоро этот язык стали называть "бразильским языком" (*língua brasílica*). Термин "тупи" (*Tupí*) становится обычным только где-то в середине XIX в. [Schwamborn 1987]. Проповедник бразильской миссии и первый грамматист этого языка, Жозе ди Аншьета (*José de Anchieta*), считает тупинамба в своем описании 1595 г. наиболее употребительным на побережье Бразилии (a *língua mais usada na Costa do Brasil*). Тогда этот язык был более широко распространен, чем португальский, из-за браков первых переселенцев с местными женщинами. В районах, отдаленных от столицы Баиа, образовались две разные смешанные формы тупинамба, их Родригес [Rodrigues 1986: 99–109] называет общими языками (*líguas gerais*), в противоположность несмешанному тупи Аншьеты и дальнейших миссий.

На юге же образовался так называемый общий язык Сан-Пауло (*Língua Geral Paulista*), основу которого составлял тупи индейцев Сан-Висенте. Это язык, на котором в XVIII в. разговаривали бандейранты, которые, исходя из Сан-Паулу, исследовали Минаш Жерайш (*Minas Gerais*), Гойаш (*Goiás*), Мату Грошшу (*Mato Grosso*) и южную Бразилию [Rodrigues 1986: 102]. Переняла этот язык в XVIII в., забыв родной свой язык, и часть индейцев бороро на юге от Гойаш. Этот общий язык, постепенно все больше удалявшийся от первоначального тупи Сан-Висенте, почти не документирован, однако сохранился, например, в многочисленных топонимах в областях, в которых никогда не проживали индейцы тупи-гуарани. В XVIII в. общий язык Сан-Висенте был сильно потеснен португальским из-за массированного переселения португальцев, а в XIX в. этот язык полностью исчез.

На севере, в Мараньян (*Maranhão*) и в Пара (*Pará*), вместе с португальской колонизацией района Амазонки, возник общий амазонский язык (*Língua Geral Amazônica*), позже названный также ньенгату (*Nheengatú*) "хороший язык". Этот язык сохранился до сегодняшнего дня, он влияет по-прежнему на региональный португальский язык. Ньенгату возник в результате смешения (но без креолизации) языка тупинамба, на котором говорили от Баиа вплоть до устья реки Токантин. Во время освоения района Амазонки португальскими миссионерами, солдатами, купцами и поселенцами чистый тупинамба служил языком христианизации, а общий язык (*Língua Geral*) обслуживал общение европейцев с индейцами, а также между разноязычными индейцами. Некоторые индейские племена отказались от своих собственных языков в пользу ньенгату: например, частично это произошло с банива (*Baniwa*) в верховьях Риу-Негру, где этот язык до сих пор еще в ходу [Taylor 1985].

Итак, общий язык (*Língua geral*) в бразильском языковом пространстве играл не ту же роль, что общий язык (*lengua general*) в испанских колониях Америки. В Испа-

ноамерике "общие языки" – стандартизированные чистые языки индейцев, а в Бразилии они являются вариантами, упрощенными в грамматическом и фонетическом отношениях. Во времена бразильской колонии, естественно, никакое грамматическое описание языка тупи(намба) не называют "общим языком".

Близким родственником "бразильского языка" (*língua brasílica*) является парагвайский гуарани. Район между реками Парана и Рио-Парагвай был в 1536 освоен, начиная с Рио-де-ла-Плата (в 1537 г. был основан Асунсьон), а после перехода этого района во владение Испании им управляли из Лимы в качестве "провинции Парагвай". Миссионерскую деятельность, начиная с 1612 г., проводят иезуиты в районе Гуайра (*Guairá*), сегодня принадлежащем штату Парана (Бразилия) на востоке от Параны. Антонио Руис де Монтойя, в 1639 г. опубликовавший первые грамматику и словарь языка гуарани, руководил миссией, которая все больше и больше подвергалась налетам бандейрантов из Капитания Сан-Пауло: для искателей приключений, постоянно осваивавших новые земли и поэтому нуждавшихся в рабах для полевых работ, миссионеры были помехой. Эта опасность вынуждает иезуитов уйти на плато по Паране и увести с собой примерно 10 тыс. обращенных индейцев. В результате они заселяют на юге сегодняшних Парагвая и аргентинской провинции Мисьонес (*Misiones*) существовавшие еще до этого поселения, расширяя их и основывая на их месте ставшие позже знаменитыми "редукции" – большие, отгороженные от внешнего мира лагеря миссионеров, в которых индейцы жили и работали вместе с миссионерами. Языком общения был гуарани, считавшийся общим языком Провинции Парагвай (*lengua general de la Provincia del Paraguay*), несмотря на то, что еще не существовало кафедры и никакой государственной поддержки ему не оказывалось [Dietrich 1984; Rodrigues 1986: 99]. Следуя традиции Аншьеты со времен Бразилии XVI в., на гуарани также пишутся пьесы и ставятся спектакли. После изгнания иезуитов из Южной Америки в 1767 г. обращенные индейцы редукций становятся поселенцами, явно выделявшимися из числа остальных, "общинных" индейцев. Они образуют семьи с белыми и метисами в районах, прилежащих к редукциям, и составляют основу для парагвайской нации, даже и в языковом отношении, поскольку они сохранили свой гуарани и в качестве основного языка, и в качестве субстрата в испанском (осваиваемом повсеместно в качестве второго языка). По Родригесу [Rodrigues 1986: 99 и сл.], современный парагвайский гуарани тоже можно назвать "общим языком" (*língua geral*): хотя в фонетическом и грамматическом отношениях этот язык не подвергся упрощению, но лексика его частично испанизована.

Если отвлечься от аравакских и карибских заимствований в ранний период испанского завоевания Карибского района, "общие языки", и только они, в силу большой роли и распространенности, оказали главное влияние на испанский и на португальский. Престиж и внешнее влияние кафедр и церковных институций, с одной стороны, и распространение этих языков в результате смешения населения, с другой, были при этом важными факторами. Выходцы из смешанных семей могли осуществлять посредничество только в условиях престижного "общего языка", а также при условии, что эти выходцы владеют общим языком (испанским *lengua general* или португальским *língua geral*) как родным.

От легендарной славы иезуитских "редукций" парагвайский гуарани унаследовал при формировании национального государства в XIX в. часть своего идентифицирующего влияния. Конечно, влияние "общих языков" в монолингвальных испанских и португальских слоях общества ограничивалось определенными лексическими пластами. Там же, где не было никаких государственных судов второй инстанции (*Audiencia*) и никаких миссионерских центров, а потому не возникал "общий язык" (как, например, в Юкатане, районе майя), – не было и никаких межрегионально употребляемых заимствований в испанском языке. В Гватемале был один суд второй инстанции (*Audiencia*), но не было миссионерских центров, поэтому-то и не возник "общий язык Гватемалы"; есть скорее заимствования из языка наутль, а не из языка майя; из языка майя там нет межрегиональных заимствований.

5.1. Введение. Несмотря на большой процент носителей туземных языков (почти 5,3 млн. по переписи 1990 г.), в Мексике 92,5% населения являются испанскими монолингвами. Для всех метисов испанский язык является родным. 56 индейских языков являются официальными [Zimmermann 1992b: 333]. Но из них только несколько представлены значительным числом (одноязычных или двуязычных) говорящих: науатль (1,2 млн.), майя (710 тыс.), сапотек (400 тыс.), микстекский (380 тыс.), отоми (280 тыс.), тцелталь (260 тыс.), тцотциль (230 тыс.), тотонакский (210 тыс.), масатекский (170 тыс.), чоль (130 тыс.), уастекский (120 тыс.), чинантекский (100 тыс. [Zimmermann 1992b: 334]). Малочисленным языкам продолжает грозить вымирание, после того как, со времен завоевания Мексики, из 120 языков сохранилось только 15¹.

По плану испанизации индейцев, первоначально страдавшему односторонностью и безуспешно претворяющемуся в жизнь, после не слишком настойчивых попыток, теперь уже в течение последних нескольких лет на вооружение принята этнолингвистическая программа, по которой учителя индейского происхождения должны получать этнолингвистическое образование по своему языку и культуре, чтобы затем учить грамоте своих соплеменников, не теряя самоидентификации (об идентичности и о ее потере см. также [Zimmermann 1992a]). Такая программа преследует важные цели и заслуживает поддержки, однако может быть выполнена, только если испаноязычное общество перестанет проявлять пренебрежительное отношение к индейскому меньшинству. Наибольшим престижем пользуются майя на полуострове Юкатан [Lore Blanch 1981: 427].

Влияние индейских языков наиболее ощутимо в испанском языке американских индейцев [Zimmermann 1992b: 344–346, 352]. Оно проявляется в первую очередь в фонетике, меньше – в синтаксисе (в отсутствии согласования по роду и числу, неправильном употреблении предлогов – это общая черта билингв в различных частях Америки, например, в Парагвае, Перу, Боливии, Эквадоре). Бросается в глаза, что в испанском языке индейцев почти нет лексических заимствований из туземного языка. Это свидетельствует о превосходящих силах другого мира, в котором собственных, туземных семантем недостаточно для именованя предметов и представлений, а поэтому лексика родного языка совершенно не подходит. И наоборот, заимствований из испанского очень много в языках американских индейцев, заимствуются даже функциональные слова, союзы, предлоги, междометия [Zimmermann 1992b: 346]. Это явление наблюдается в испанском языке индейцев других районов Испаноамерики (в Парагвае, Перу, Боливии).

5.2. Ацтекизмы в испанском. В стандартном испанском языке Мексики, напротив, имеются лишь редкие вкрапления из туземных языков, – несмотря на сильное индейское присутствие на селе. Там, где эти вкрапления есть, мы имеем дело с заимствованиями из ацтекского. Влияния других языков в образованном, "культурном", языке (*habla culta*) не наблюдается вовсе. Хотя сапотекский (Zapotec) является преобладающим языком в районе города Оаксака, в испанском языке города [Garza Cuarón 1987] не заметно большого влияния. Остальные ацтекизмы обычно стары, т.е. датируются временем завоевания Мексики (см. I, 4.2).

Часть этих слов оказалась настолько живучей, что из испанского проникла в другие европейские языки, например: *aguacate* < науа *awákati* 'яичко, тестикула; авокадо'.

¹ Особенности испанского языка Мексики исследованы довольно хорошо и недавно довольно хорошо резюмированы в работе [Zimmermann 1992b]. Туземное влияние особенно подробно было исследовано в работах [Lore Blanch 1967; 1969; 1983], где показано, что влияние это за пределами лексикона незначительно, ср. также далее 6.6–6.7. Большинство исследований сконцентрировано на центре региона, Северная Мексика исследована мало. Число социолингвистических исследований зоны влияния майя в Южной Мексике и в Юкатане растет [Pfeiler 1986], есть и чисто лингвистические обследования [García Fajardo 1984].

Это слово проникло через Колумбию на север Эквадора, а в южном Эквадоре употребляют *palta* < кечуа *palta* 'авокадо'. В Бразилии же имеем *abacate*, в штате Баия – *abacado*; в европейском португальском – *avocado*, *abacate* и *aguacate*; *cacahuate* / *cacahuete* 'арахис' (в карибском регионе – *maní* из таинского языка); *chicle* 'жевательная резинка' – от именованния молочного сока, добываемого из каучукового дерева, *zapote* (*Achras sapota* L., Chicle tree); *chile* 'перец чили', *chayote* 'чайоте, *Sechium edule* (Jacq.) Sw.' – картофелевидный овощ с длинными усиками, называемый в Гватемале также *güisquil*, в Бразилии и Парагвае – *chuchu* / *chuchú*; *coyote* 'волк, обитающий в прериях, койот', *ocelote* 'тигр, оцелот'; *tiza* 'мел'.

5.3. Науатлизмы в испанском языке Мексики и Центральной Америки. Многие ацтекизмы (науатлизмы) употребляются и в центральноамериканских странах. О фонетической и морфологической адаптации этих заимствований [Champion 1984]. Словари (типа [Robelo s.a., Santamaría 1974]) приводят гораздо больше слов, чем на самом деле употребимы в этом регионе. Приведем наиболее частотные слова [Lore Blanch 1969] в Мексике (далее проникшие через Гватемалу, Сальвадор, Гондурас – вплоть до Никарагуа): *camote* 'сладкий картофель' сегодня более распространено (в Мексике, Центральной Америке, в Андах – вплоть до западной и центральной Аргентины), чем *batata*; *elote* 'зеленый кукурузный початок'; *nopal* 'опунция (вид кактуса)' (об этом фрукте *tuna* см. 4.3); *zacate* употребляется в Мексике вместо исп. *yerba* 'сорняк, кормовая трава'. К типичным блюдам и напиткам относятся: *guacamole* 'салат из авокадо (*aguacate*)'; *pulque* 'вино из агавы' (происхождение спорно); *tequila* 'алкогольный напиток, получаемый из *Agave tequilana*', зарегистрирован с XIX в., происходит от имени места *Tequila* (Jalisco); *atole* 'острый напиток из вареного маиса, молока, сахара и корицы'; *tamal* 'кусочек теста с мясом, завернутый в банановый или маисовый лист' (распространено вплоть до западной Аргентины).

В фауне представлены: *quetzal* 'Trogon viridis, *Pharomachrus mocinno*', священная птица ацтеков, встречается сегодня еще в Гватемале в значении 'гватемальская денежная единица'; *zopilote* '*Cathartes aura*', разновидность коршуна; *guajolote*, вид павлина; *escuinle* 'бездомная собака (также в переносном смысле – о человеке)'. Из области домоводства и дворового хозяйства происходят: *jacal* 'хижина сельского индейского населения'; *galpón* 'навес, место под навесом', слово пришло с конкистадорами в Южную Америку и сохранилось вплоть до настоящего времени, а на своей родине было забыто; *tiangué* / *tianguis* 'рынок, рыночная площадь'; *metate* 'прямоугольная каменная мельница'; *jícara*, первоначально 'калебас (сосуд из выдолбленной тыквы), из которого пьют шоколад', затем – 'шоколадная чашка из фарфора', в Мексике, в Центральной Америке и в Карибике это слово обозначает сегодня различные сосуды для питья; *mecate* 'плетеный шнур с бахромой'.

Сильное влияние языков науа на "разговорный язык" видно из употребления глаголов, адаптировавшихся к испанским глаголам на *-ar*. Как и вышеуказанные существительные, они пришли через Гватемалу, Сальвадор, Гондурас вплоть до Никарагуа, а частично и до Коста-Рики [Sala 1977; Geoffroy Rivas 1987: 18]: *chimar* / *shimar* 'обирать, ошипывать; спариваться (грубо: о людях)'; *tapiscar* 'собирать урожай (маиса)' от *tapisca* 'урожай маиса (кофе, какао)'; (*a*)*tilintar* 'нечто натягивать' от *tilinque*/*tilinte* 'растянутый, натянутый'.

5.4. Предположительное влияние на фонетику испанского языка в Мексике. Для мексиканского испанского характерно, с одной стороны, ослабление (главным образом, безударных) гласных и сохранение имплозивного /s/, которое в остальной части Испаноамерики ослабло до [h] или вовсе пропадало: ['djes'pess] 'diez pesos' ("десять песо"), *caf'cito*, *cóm'sta sté* '¿cómo está Vd.?' ("как поживаете?"), *mient's*, *lo s'pims* 'lo supimos' [Kubarth 1987: 68–70; Zimmermann 1992b: 348 и сл.]. Это явление упоминается уже в работе [Henríquez Ureña 1938], позже о нем писал Мальмберг [Malmberg 1974: 289 и сл.], который, не зная соотношений в языке науатль, говорил о субстрате.

В работе [Lope Blanch 1967–1970] показано в деталях, что констатируемая общая краткость гласных мексиканского испанского и ослабление (вплоть до выпадения) безударных гласных вряд ли являются результатом влияния науатля, поскольку последнему, с его фонологически релевантными оппозициями по количеству, это свойство совершенно чуждо. Кроме того, скопление согласных (в результате выпадения гласных) в науатле абсолютно исключено. А упомянутое ослабление безударных гласных характерно для более обширной области, чем зона науа, о чем свидетельствуют данные лингвистического атласа Мексики [Lope Blanch 1990], и спорадически наблюдаются в Сальвадоре, Колумбии, Эквадоре, Перу, Боливии и Аргентине².

В работе [Lope Blanch 1967–1970: 145–151] отвергается даже допущение, будто мексиканский испанский язык унаследовал из субстрата науа некоторые согласные, отсутствующие в стандартном испанском языке. Фонема /s/ в кастильском диалекте изменилась в соответствии с общим правилом в /x/, т.е. сегодня эта фонема не представлена больше как /s/ или совпала в некоторых случаях с /s/ и не представляет собой больше самостоятельной фонемы (например, в топонимах типа *Tlaxcala*, *Huixtla*, *Tuxtla Gutiérrez*). А исходная фонема /c/, как и в остальной части Испаноамерики, совпала с /s/ ([co'pilo] > [sopi'lote]) или с /ʃ/ (*tzictli* > *chicle*, [wi'cilac] > *Huichílac*). Топонимы с <tz> также часто реализуются с [s] или c[c] (напр.: *Tepotztlán* [teposo'tlan]).

Некоторое влияние ацтекского усматривается в указанной работе [Lope Blanch 1967–1970: 150 и сл.] только в слоговой трактовке сочетания <tl> в испанском языке Мексики. Хотя глухое l, чуждое испанскому, и не прижилось (если трактовать это сочетание не как новую фонему), – однако графическое представление <tl> составляет консонантный нексус, ведущий себя в слогеделении все-таки как отдельная единица, так что <tl> допустимо в начале слога: ['a-tlas], ['ix-tle].

Долгое и напряженное /s/ (в центральной Мексике это конвексный, переднеязычно-зубной звук), которое только на карибском побережье и на юге, а также в остальной части Испаноамерики в имплозивном положении заменяется на придыхание или остается неизменным в остальных позициях, по [Lope Blanch 1967–1970: 155–161], не обязательно объяснять как субстрат науатля. Хотя науа обладал и обладает фонемой /s/, но эта фонема артикулируется не очень четко. Кроме того – считается в этой работе, – имплозивное /s/ в Мексике вообще не слишком четко реализовано.

5.5. Предположительное влияние науа на грамматику испанского языка в Мексике.

Ни одна из неоднократно упомянутых здесь гипотез не обладает убедительностью. Лопе Бланч показывает, что указанные явления можно объяснить, оставаясь на почве самого испанского языка. Так объяснимы: употребление диминутивов, возвратных глаголов (например, *regresarse* вместо *regresar* "возвращаться"), посессивных оборотов (типа: *su ropa de mi hermano* букв. "его одежда моего брата"; *me dieron un golpe en mi cabeza* "мне дали удар в мою голову") и наличие различных семантических калек – "calcos semánticos" [Lope Blanch 1983: 161–168]. Суффикс *-eco* для обозначения физических или моральных недостатков, квалифицируемый как заимствование из науатля со времен работы [Rufino José Cuervo 1867; 1955], в более позднем исследовании [Lope Blanch 1983: 169–176] убедительно объясняется как чисто испанское явление: ни значение, ни распространение соответствующих единиц не свидетельствуют в пользу заимствования. И наоборот, деономастический суффикс *-eca*, *-eco* (*azteca*, *yucateco*, *guatemalteco*) восходит, несомненно, к *-écatl* из науа, поскольку употребляется в той же функции и с той же (невысокой) частотностью. Итак, индейское влияние и здесь, как и в области фонетики, весьма мало и маргинально.

² По той же причине представляется маловероятным воздействие субстрата в случае часто наблюдаемого напряженного произношения имплозивного /r/ (*verrde*, *cuerrpo*), поскольку в науатле нет вообще /r/ [Lope Blanch 1967]. Скорее наоборот, в Мексике часто фрикативное произношение имплозивного /r/, т.е. ослабление, которое скорее можно было бы связать с субстратом.

6.1. Распространение и диалектное членение кечуа. Зона влияния кечуа (в меньшей степени – область языка аймара в юго-восточном районе озера Титикака). прежде всего в Боливии, составляет – после зоны влияния науа, начинающейся с Центральной Мексики, – второй обширный ареал, в котором местные языки обладают и большой культурой, и большим количеством носителей³. Наши исторические сведения о распространении кечуа и его диалектов в новой истории, основанные на преданиях об империи инков и ее распаде, а также о дальнейшей жизни языков во времена испанского колониального владычества, гораздо обширнее, чем, скажем, об аравакских языках Венесуэлы и Антильских островов. Поэтому более активно обсуждаются вопросы, связанные с происхождением кечуа, с его отношением к аймара и к так называемым языкам ару и хаки (хакеару, кауки/кавки) и с процессом распространения диалектов кечуа. Не имея возможности в деталях рассмотреть эти проблемы в данной статье⁴, остановимся вкратце – чтобы создать некоторое представление о влиянии на испанский язык – на некоторых тезисах из существующей литературы, прежде всего из работ [Torgero 1983] и [Cerrón-Palomino 1987].

Диалекты кечуа весьма многочисленны в замкнутых языковых пространствах на Центральнопериуанском нагорье (в департаментах Хуни, Паско, Анкаш и Уануко): на юге же от этой зоны, в департаментах Уанкавелика, Айякучо, Куско, Апуримак, в северо-восточном Арекипа и в Пуно, диалектная раздробленность очень невелика. На северном и южном побережьях озера Титикака область кечуа пересекается с областью аймара, которая далее образует широкую полосу в Боливии вокруг Десагуадеро, между озерами Титикака и Поопо. Уже к северу от Поопо, в области Оруро, происходит смешение арава и кечуа, а вот начиная с Кочабамба и к югу от Оруро имеется снова замкнутое кечуазычное пространство, через Сукре и Потоси – вплоть до юго-западной части департамента Чукисака на южной боливийской границе [Torgero 1983: 92; Siebenäuger 1993: 42]. А дальше, от департамента Потоси, кечуазычная зона пересекает современную аргентинскую границу в провинции Кебрада де Умауака (провинция Хухуй). В Перу число говорящих колеблется между 3 и 4.4 млн., для Боливии в работе [Carranza 1993: 36 и сл.] приводится число 1.6 млн., для Хухуй – 20 тыс. носителей.

В изоляции от этой языковой зоны сегодня на кечуа говорят: 1) в районах, расположенных далеко на юге от указанной области, к востоку от города Сантьяго-дель-Эстеро, в одноименной аргентинской провинции (150 тыс.), 2) в качестве sporadических включений – в испанизированном Северном Перу, а именно, на очень разных диалектах хахамарка и ферреньяфе (департамент Ламбаеке). Ламас (департамент Сан-Мартин), почти во всем Рио-Напо (диалект кихо) и в районах вдоль верхней части реки Пастаса, а также в Эквадоре и в Перу (департамент Лорето, диалект канела). Здесь мы имеем дело с продолжением экваторианского кечуа в новейшее время. В Эквадоре на кечуа говорят в замкнутой области на нагорье (altiplano) Лоха на юге – вплоть до Ибарры (пров. Имбабура) на севере (2.2 млн.), причем диалектная раздробленность не столь велика, как в Центральном Перу. С другой стороны границы, в южноколумбийском районе вокруг Пасто и на востоке в Путумайо мы находим около 10 тыс. носителей языка инга [Carranza 1993: 37 и сл.].

Современное диалектное членение дает ключ к выяснению того, как возник и распространялся язык кечуа в качестве койне империи Инков. Тореро подразделяет

³ Число говорящих: от 6,5 до 7,8 млн. для кечуа и от 1,5 до 1,8 млн. для языка аймара – то есть, даже вдвое больше, чем предполагается для эпохи расцвета империи инков. В работе [Cerrón-Palomino 1987: 76] эта численность принимается 8,35 млн., по [Fabre 1994: 444] – даже до 12,5 млн. Для языка аймара авторы [Klein, Stark 1985: 546] предполагают численность примерно 1,8 млн., а [Fabre 1994: 264] – от 2,2 до 2,4 млн.

⁴ См. об этом: [Büttner 1983; Tovar, Larrucea de Tovar 1984: 53–55; Cerrón-Palomino 1987: 323–341; Siebenäuger 1993: 31–38; Fabre 1994: 444–484].

современные диалекты (называемые им языками, в силу того, что они не являются взаимопонимаемыми), на две главные группы: Q I и Q II. Q I, или диалект уайуаш, соответствует центральным диалектам анкаш, уануко и хуни. в которых имеется противопоставление долгих и кратких гласных. К диалекту Q II, внутри которого диалектное дробление незначительно, относятся, прежде всего, другие издавна распространенные диалекты кечуа (см. ниже), которые позже, на правах второго языка, расширили свою зону влияния в результате языковой политики "кечуизации" в империи Инков. В этом диалекте нет качественных оппозиций гласных, зато он обладает тремя рядами смычных фонем и аффрикат: глухими, глухими глоттализованными и глухими придыхательными (например, /p/, /p'/, /p^h/; придыхательные фонемы в современной официальной орфографии пишутся как ⟨p'⟩, ⟨k'⟩, ⟨q'⟩, ⟨t'⟩, ⟨ch'⟩). Это типичная черта языка аймара, и по мнению Торероса, результат аймаризации кечуа в районе Куско: эта разновидность кечуа стала в эпоху испанской колонизации "общим языком", а потому обладала статусом обязательности – чего не было в доколумбову эру империи Инков. К разновидности Q IIА относятся диалекты Кахамарка и Ферреньяфе, к Q IIВ – диалекты Ламаса, Эквадора и Рио-Напо. Q IIС (состоящий из диалектов Айакучо, Куско, Боливии и Сантьяго-дель-Эстеро) образует относительно однородный ареал, обладающий примерно 2,5 млн. носителями в Перу⁵.

По Тореро, в раннюю эпоху (после 880 г. н.э.) с побережья Перу начали распространяться по направлению к нагорью три диалектные формы кечуа: а) кечуа Лимы, входящий в Q I; б) диалект, распространенный далее вплоть до северного нагорья Уануко, Ханина и Анкаша; в) диалекты Юнгай и Чинчай (Yúngay und Chínchay), входящие в Q II. Юнгайский кечуа (отличающийся от остальных переходом [nt], [mp] и [ŋk] в [nd], [mb] и [ŋg], соответственно), завоевывал позиции от побережья вокруг Касма (Анкаш) к северу от Ламбаеке и Кахамарка и достиг, по-видимому очень рано, центрального района Сьерра-Эквадор (провинция Пичинча, Котопахи. Тунгурауа [Klein, Stark 1985: 452]. А чинчайский кечуа распространялся от департамента Ика (к югу от Лимы) – по направлению Айакучо (Q IIС) и господствовал вокруг Юнга (Yúngay) в центральной части Эквадора (Южная Колумбия, вплоть до севера – провинция Имбабура) и на юге Эквадора (провинции Каньяр, Асуай и Лоха), а также вблизи Напо и Пастаса.

Неясным представляется происхождение инков. По [Torero 1983: 66 и сл.] и [Martha Hardman 1982], инки происходят из района озера Титикака; они говорили на языке семьи ару (хаки или пукина). Завоевав же долину Куско, они приняли в качестве родного языка чинчайский диалект кечуа, распространению которого способствовали. Носители кечуа постепенно заселяли все новые территории (такое расширение территорий называлось *mitimazgo*), закрепляя завоевания инков⁶. По ходу расширения империи Инков более ранние местные языки были потеснены и прекратили существование. Так, язык аймара был потеснен на юг, язык акеару – на задворки Лимы. В небытие ушел язык юнга, существовавший до инков на североперуанском и эквадоральном побережьях и давший названия великим культурам чиму и мочика, а также культурам Пуруа и каньяри экваторианской горной цепи (см. ниже 7.3.2). Язык пукина, предположительный праязык инков, был вытеснен в суровейшие районы

⁵ Аргентинский кечуа (в Катамарка и Ла-Риоха), вымерший в начале XX в., можно отнести к Q IIВ, его лексикон претерпел значительную перестройку под влиянием адстрата Q IIС.

⁶ Так, в позднее время северная империя называлась *Chinchay-suyu* (< *chíncha* 'север' + *suyu* 'область'), а вся империя *Tawantinsuyu*, в испанизированном варианте – *Tahuantinsuyo* (< *tawa* 'четыре' + *-ntin* 'все, целиком' + *suyu*, т.е. 'четыре объединенных империи'). Название языка *quechua* восходит к сочинению "Arte de la Lengua General del Perú" одного монаха (Domingo de Santo Tomás, Valladolid 1560). Неясны и кажутся случайными происхождение и мотивация выбора этого названия. Самоназвание же – как и во многих подобных случаях – 'человеческий язык', *runa simi*.

боливийского нагорья. После падения империи Инков некоторое время продолжалось возрождение этих региональных языков, которые, впрочем, так и не приобрели значительной роли, поскольку миссионеры способствовали преобладающему господству диалекту кечуа, на котором говорили в Куско и который был впервые кодифицирован грамматикой Гонсалеса Ольгина (González Holguín) в 1607 г.⁷ Распространение языка кечуа в северной Аргентине, в таких районах, как сегодняшние провинции Хухуй, Сальта, Тукуман, Сантьяго-дель-Эстеро, Катамарка и Ла-Риоха, также способствовало забвению местных языков, таких как какан (Cacán) (в виде субстрата атакаменью все еще представленного в топонимии), луле и вилела. Вытеснению этих языков способствовало и использование кечуа в качестве "общего языка" миссионерами. В результате указанные языки, по-видимому, окончательно вымерли уже к концу XVII в. [Tovar, Larrucea de Tovar 1984: 33].

Аймара, как видно из вышесказанного, обладал некоторыми общими генетическими корнями не с кечуа, а с языком акеару, на котором сегодня еще говорят в области Лимы. Можно поэтому предположить, что аймара в ходе политики "кечуизации" постепенно вытеснялся на юг. После Третьего церковного собора в Лиме (1583) он стал ненадолго "общим языком", однако вскоре был вытеснен языком кечуа и в дальнейшем (как и некоторые другие "малочисленные" языки, поддерживаемые только отдельными орденами), культивировался иезуитами в Пули на озере Титикака [Tovar, Larrucea de Tovar 1984: 192 и сл.].

Многовековой контакт аймара – кечуа (кечуа-аймарское двуязычие и сегодня широко распространено среди носителей языка аймара) привел к сильному типологическому взаимовлиянию этих языков. Для многих заимствований в испанском бывает невозможно сказать, какой именно язык был источником. О фонетическом аймарском субстрате в кечуа Куско выше уже говорилось.

6.2. Кечуа в социолингвистическом аспекте. Сосуществованию испанского с кечуа (в Эквадоре, Перу и Боливии), а также испанского с аймара (в департаменте Пуно – Перу – и в Боливии) и возникшей вследствие этого кечуа-испанской и аймара-испанской диглоссии носителей этих индейских языков в последние годы посвящено большое число социолингвистических исследований: рассматриваются условия переключения кодов, процессы изменения в употреблении туземного и официального языков, а также перспективы двуязычного воспитания. Этим вопросам здесь мы не можем уделить должного внимания⁸. Детальный опрос, посвященный языковой компетенции и употреблению в Эквадоре [Büttner 1993: 280–286], показывает поразительно высокий уровень представленности кечуа во всех андских районах страны (меньше – на юге); выясняется также дифференцированный монолингвизм у кечуа, на севере составляющий до 25%, а на юге – примерно до 3–4%. Бросается в глаза, в частности, и распределение по поколениям: у детей преобладает испанский; хотя родители бегло владеют обоими языками, вполне возможно, что употребление кечуа не будет передано детям. Эти исследования выросли из дискуссий о языковой политике, имевших место в шестидесятые годы, об официальном признании многоязычия многих испаноамериканских стран и о возможных и желательных мерах по укреплению равноправия туземных языков или о насаждении испанского языка.

6.3. Фонетическое и синтаксическое влияние. Как и при рассмотрении зон влияния языков науа и майя в Мексике и в Гватемале, – в районе Анд Эквадора, Перу и Боливии следует различать два случая фонетического влияния кечуа и аймара на региональный испанский язык: испанский у носителей кечуа и аймара, с одной стороны, и испанский у испанских монолингв, с другой [Cassano 1982]. В последнем случае влияние на артикуляцию, в силу малой престижности туземных языков, бывает маловероятным. И наоборот, в первом случае влияние это – естественное проявление

⁷ См. [Tovar, Larrucea de Tovar 1984: 47 и сл., 53–56; Fabre 1994: 444–484, 694, 734; Siebenäuger 1993: 32–40].

⁸ См., например, [Büttner 1993] о ситуации в Эквадоре, [Escobar 1978] и [von Gleich 1989] в Перу и [Hardman 1981] – в Боливии.

билингвизма в узком смысле слова (ср. I. 1.5). Такое методическое разграничение справедливо отчасти и для стабильных синтаксических образцов. встречаемых в "промежуточном языке" (*media lingua*) индейцев, говорящих по-испански не как на родном языке [Muysken 1979]. Впрочем, в работе [Pozzi-Escot 1972] указывается, что в областях с большим количеством безграмотных носителей туземных языков имеет место ослабление норм стандартного языка и у испаноязычных носителей "региональной разновидности культурного языка" (*habla culta regional*), а поэтому вырабатывается новая региональная норма. Эта норма устанавливается как в фонетике, так и в синтаксисе.

6.4. Фонетические интерстраты⁹. В фонетике "региональной культурной нормы" (*norma culta regional*) хорошо известно явление сохранения оппозиции /j/ – /ʃ/, контрастирующее с распространенным в долинах (*tierras bajas*) *yeísmo*. например, ср.: <yema> ['jema] – <llame> ['ame] (отсутствие *yeísmo*). Это явление объяснимо тем, что в кечуа и аймара указанная оппозиция также существует, а именно, противопоставление /j/ – /ʃ/ имеется в кечуа районах Айкакучо-Куско, Боливии и Южного Эквадора, а следовательно, и в испанском языке этого региона. В североперуанских диалектах кечуа, – например, в Кахамарка и в центральноэкваториальной горной цепи – существует нечто вроде '*žeísmo*', когда /ʃ/ реализуется как [ž], а /j/ – как отличное от него [j]. Эта зона *žeísmo* расположена в Андах, к северу от массива Нудо де Асуай в Эквадоре и совпадает с областью распространения сходного явления в местном кечуа (*ažin* 'хорошо' вместо *allin*, ср. [Cerrón-Palomino 1987: 163 и сл.]. Депалатализация /ʃ/ в /l/, наблюдаемая в центральноперуанских и североекваториальных районах кечуа [Cerrón-Palomino 1987: 165 и сл.], нашла отражение в испанизированных формах местных населенных пунктов этих зон. Например, *Otavallo* (провинция Ичбабура, Эквадор) < *Utawallu*, имя провинции империи Киту, которое само, видимо, восходит к имени из языка кара, или каранки из эпохи, предшествовавшей инкскому господству.

Параллельно оппозиции /ʃ/ – /j/ в экваториальном кечуа существует еще – неизвестная на юге – оппозиция /s/ – /z/. переносимая (впрочем, только на морфемных стыках) на региональный испанский дальше в район между Куэнка и Риобамба, частично – вплоть до северной Сьерры вокруг Ибарра. Таким образом, возникает противопоставление /az'ido/ <has ido> ("ты шел", форма перфекта) и /a'sido/ <asido> ("схваченный", пассивное причастие), однако невозможно [ez'el] <es él> ("есть он"). подробнее (но без приведенного выше объяснения) [Lipski 1989]. Это явление иногда считают субстратом какого-то неясного доинкского местного языка [Cerrón-Palomino 1987: 182–186]. Скажем, языка пуруха или каньари, поскольку по крайней мере в языке юнга оппозиция /s/ – /z/ возможна [Tovar. Larrucea de Tovar 1984: 168]. Ассибиляция испанских /r/ и /r̄/ почти на всей территории высокогорья ([ˈkafta], [ˈfe'ir̄], [ˈpeʁo]: [Toscano 1953: 94 и сл.; Kubarth 1987: 138, 148] имеет соответствия только в кечуа Эквадора и района Амазонки [Cerrón-Palomino 1987: 113 и сл.]).

Кроме того, многие авторы упоминают сохранение конечного -[s], когда в кечуа и аймара допустимо (при некоторых условиях) /s/ в импловивной позиции начала слова, однако в конце оно либо совершенно не допустимо (в аймара), либо встречается нечасто (в кечуа). Но ни сохранение -[s], ни упоминаемые в работе [Hardman-de-Bautista 1982: 147] оглушение и пропуск безударных гласных (об этом явлении в Эквадоре см. [Lipski 1990]) не дают еще веских оснований искать объяснения в туземных языках: ведь это явление в самом кечуа представлено только в периферийных диалектах Ферреньяфе и Чачапойас [Cerrón-Palomino 1987: 182].

⁹ Добротный обзор важнейших явлений, наблюдаемых в Перу, см. [Hardman-de-Bautista 1982], большую дифференциацию мы находим в работе [Pozzi-Escot 1972], еще большую – в [Escobar 1978]. Наиболее подробное описание взаимовлияния кечуа и испанского в области фонетики и грамматики (синтаксиса) в Перу см. [Carranza 1993]. Данные по Эквадору см. прежде всего [Toscano 1953].

Однако бесспорным и хорошо поддающимся объяснению в "промежуточном языке носителей кечуа и аймара" (*lengua media de los quechua- o aimarahablantes*) является совпадение степеней открытости испанских гласных среднего ряда /e/ и /o/ со степенью открытости фонем /i/ и /u/ в соответствующих местных языках. Оба андских языка обладают только двуступенчатой системой гласных, без фонологически значимой средней степени. Реализации [e] для /i/ и [o] для /u/ выступают, впрочем, часто как комбинаторные варианты, например, после поствелярного /q/, а также после велярного /k/, например: [ʔeʃwa] вместо /qiʃwa/ или [ʔkondor] вместо /kuntur/ 'кондор'. Поскольку /q/ и /k/ в некоторых северных зонах, а также на большей части Эквадора оба представлены в виде /k/, то там не бывает и аллофона [e] после /q/, так что там *Quichua* является обычным глоттонимом.

В недостаточно освоенном испанском этот "субстрат" в Перу приводит к тому, что *mesa* и *misa*, *peso* и *piso* или *mudo* и *modo* трудноразличимы. Испанские восходящие дифтонги, неизвестные кечуа, часто заменяются на монофтонги, например: [bin'dindo] и [bin'bindu] или [bin'dendo] вместо <vendiendo> "продавая" или [pes] вместо <pues> "затем". Иногда наблюдаются удлинения гласных, типа: [ʔe:dras] вместо <pedras> "камни". Невозможное в кечуа зияние заменяется на дифтонг (например: [ʔojdo] <oído> "услышан", [bawl] <baúl> "сундук, баул"), либо же проблема решается вставкой гоморганического полусогласного (например: [ba'wul], [di:ja] <día> "день", ср. [Escobar 1978: 89 и сл.]. Поскольку в кечуа и аймара нет фонологически релевантного словесного ударения, а есть только автоматическое ударение на предпоследнем слоге, то и в "промежуточном языке" (*media lengua*) мы встречаем колебания и ошибки в ударении, типа: *arboles*, *plátanos*, *corázon*, *profesión*.

Многие авторы подчеркивают существование по крайней мере звука, если не фонемы [ʃ] в андском испанском языке Эквадора, Перу и Боливии. В аргентинском Сантьяго-дель-Эстеро отмечают [Nardi 1976–1977: 141], что гипокористические формы имени употребляются уменьшительно-ласкательно, например: *Cunshi* вместо *Concepción*, *Jishu* вместо *Jesús*, *Sheba* вместо *Sebastián*; и вообще [s] часто заменяется на [ʃ], например: *crushaco* 'persona movediza, inquieta, que anda cruzando de un lado para otro' ("непоседливый, беспокойный человек, слоняющийся из угла в угол"), *ashinita* вместо *asinita* (уменьшительное от *así* "так") и т.д.

То же явление наблюдалось в Эквадоре еще в работе [Toscano 1953: 81]. В региональный испанский перешли имена собственные: *Pishi* вместо *Purificación* "очищение", *Shuli* вместо *Soledad* "одинокость" и т.д., а также имена нарицательные, такие как *shigra* 'сумка' вместо *sigra*. Так как в эквадорском кечуа ("кичуа") /ʃ/ часто переходит в [ts] (например: *tsaki* вместо *chaki* 'pie', ср. [Cerrón-Palomino 1987: 161], этот звук, чуждый испанскому, появляется и в региональных кечуизмах, типа: *atsira* 'Canna edulis' (съедобный клубнеплод) вместо *achira* в кечуа Куско или *tsogne* 'legaña' вместо *ch'uqñi* [Toscano 1953: 29], *tsancar* вместо *chancar*.

6.5. Грамматические (синтаксические) интерстраты. В этой области также точнее говорить будет об интерференции, чем о влиянии: ведь явления данной категории более характерны для "промежуточного языка" (*media lengua*) двуязычных кечуа и аймара и для определенных отклонений от "региональной нормы" (*norma regional*), чем для "национальной нормы" (*norma nacional*) испаноязычных монолингв, живущих вдали от зон кечуа и аймара. Разумеется, если согласование по роду в именном словосочетании (обязательное в национальном стандартном языке) отсутствует, то это свидетельствует об ошибке или о колебании, но не является элементом региональной "нормы". Однако такие отклонения от нормы весьма упорны в испанском региональном языке, а поэтому должны квалифицироваться как устойчивая интерференция¹⁰.

¹⁰ Однако нам не кажется справедливым в таких случаях, вслед за [Muysken 1979].

Интерференция представлена, прежде всего, в недостаточно усвоенных синтаксических структурах испанского, как, например, в отсутствии согласования по роду (как в кечуа) или в игнорировании рода вообще, ср.: *dos criaturas mellizos; con el fin de matarlo a los dos criaturas* [Carranza 1993: 254]. Эти случаи, как видно из примеров, вызваны отсутствием (как и в айякучо-кечуа) согласования прилагательного с существительным по числу; например: *los trabajos excelente* ("прекрасный работники"); *las flores son lindo* ("цветы красивый"), а также *cincu parti*. А в экваторианском кечуа отсутствует и согласование между подлежащим и сказуемым по числу, переносимое на испанский и встречаемое в выражениях типа: *ellos no vino* (букв.: "они не пришел"). Синтаксической интерференцией с кечуа является также очень заметное употребление посессивного прилагательного при существительном, уже обладающем именным атрибутом, ср.: *llegó su tía de mi amiga* "приехала ее тетя моей подруги"; *es su libro de Juan* "это его книга Хуана". Напомним, что в кечуа в рамках атрибутивного отношения генетивом помечается (с помощью суффикса *-pa*) не только атрибут: как и во многих языках, показателем личностного отношения (в нашем случае – посессивом 3 л.) маркируется также "обладатель". Это же свойство навязывается и испанскому, ср.: *supa de ángel sos pelos* 'sopa de cabello de ángel', т.е. "суп из цукатов (cabello de ángel)", выражение, взятое из речи домашней прислуги-кечуа в Кочабамба ("empleadas domésticas quechua hablantes en Cochabamba", пример из работы [Gutiérrez Marrone 1980: 73]).

Употребление по-испански объектных местоимений также вызывает в речи кечуа большие трудности, откуда и интерференция следующего типа: обычно отсутствующее в кечуа объектное местоимение 3 л. опускается и в испанском предложении: например: *no vi* вместо *no lo vi* (я) не видел (его); *¿quieres poner – Ø sobre la mesa?* ("хочешь положить Ø на стол?") вместо *¿quieres ponerlas sobre la mesa?* ("хочешь положить их на стол?"), ср. [Pozzi-Escot 1972]. В других случаях, наоборот, вставляется гиперкорректное избыточное местоимение: *¿Cuál es el periódico que me lo has dicho?* "какой журнал, что мне о нем (ты) говорил?" Иначе построенная конструкция косвенного объекта приводит к "архиморфемизации" местоимения прямого объекта, например: *El los dio algunas instrucciones* "Он их (вместо *им*) дал некоторые инструкции" [Siebenäuger 1993: 88].

Употребление герундия вместо личной формы глагола в испанском языке индейцев района Анд (отмеченное еще Александром фон Гумбольдтом) подтверждается в нескольких местах в работе [Vázquez 1980: 232 и сл., 247 и сл., 276 и сл.] как особенность эквадорского просторечия (*lenguaje popular*): там указывается, что в кечуа высказывание 1 л.ед.ч., типа *vengo, aquí estoy*, звучит несколько грубовато и невежливо, а поэтому употребляется медиальная форма вместо активной. Эта медиальная форма по-испански передается с помощью оборотов типа: *estoy, estaba viniendo*. Повелительные формы, например: *¡dame trayendo!* вместо *¡tráemelo!*, *¡dame hablando a mi favor!* вместо *¡habla a mi favor, recomiéndame!*, – объяснимы тогда как калька с кечуа, в котором "дать" выступает в качестве вспомогательного глагола для смягчения позитивного императива. Прямой отрицательный императив также избегается, и

говорить о "креольских языках". Не всякий смешанный язык является креольским. Хотя здесь лексика преимущественно испанская, а словоизменение преимущественно кечуа, но, в отличие от ситуации настоящего креольского языка (типа гаитянского), говорящие владеют кечуа как родным языком. "Промежуточный язык" (*media lengua*) для них скорее является пиджином, то есть используемым, но не в совершенстве освоенным языком общения. Да и для говорящих, не полностью погруженных в кечуа и с базовой социализацией на основе регионального испанского языка, "промежуточный язык" также является не креольским, а одной из форм испанского, чрезвычайно насыщенной иноязычной ("аллоглоттической") интерференцией.

вместо *¡No ensucies la carta!* предпочитают употреблять перифраз *¡No irás ensuciando la carta!* – в соответствии с синтаксисом кечуа.

Прямые заимствования из кечуа в "промежуточном языке" часто встречаются в виде морфем, т.е. в рамках гибридных образований, столь обычных в смешении языков, когда посессивный суффикс 1 л.ед.ч. -у в аффективных образованиях употребляется и в речи по-испански, например: *mamay* 'i(mi) mamá! "мать моя!", *tatay* 'i(mi) papá! "отец мой!", *viditay* "жизнь моя!" <vid-ita-у. Обычный в кечуа суффикс -ri-, выражающий вежливость в императивах, употребляется, например, даже в разговорном испанском языке среднего сословия (*gente decente*) Кочабамба [Gutiérrez Margone 1980: 64 и 80], ср.: *¡darime!* '¡dame, por favor!' ("дай мне, пожалуйста!").

Примером модальной интерференции не только в "промежуточном", но и в региональном испанском языке, неоднократно упоминаемом разными авторами, является передача различия (существующего в кечуа и аймара) между сообщением как непосредственным наблюдением и сообщением от чужого лица, не отражающим мнения или опыта самого говорящего. В работе [Martín 1976–1977] это явление в испанском языке города Ла-Пас объясняется как результат интерференции аймара; там же показывается, как различие, основанное на двух суффиксах – модальном и комментирующем – в испанском переосмысливается в рамках темпоральной оппозиции; причем форма *pasado indefinido* (неопределенного прошедшего) используется для сообщения о событии, говорящим не засвидетельствованном (*hoy día llegó su mamá de él*), а плюсквамперфект – для передачи собственного мнения (*hoy día había llegado su mamá de él*, ср. [Martín 1976–1977: 129; см. также Hardman 1981: 205].

6.6. Лексика, заимствованная из кечуа и аймара. Как и при заимствовании из других туземных языков, при контакте с кечуа и аймара звуковая оболочка приспосабливается к испанскому, в общем случае, так, чтобы звуки, отсутствующие в испанском, замещались ближайшими в артикуляционном отношении. Вообще говоря, звуковой облик заимствований в испанском очень близок к первоначальному. Однако разграничение между глотализированными и придыхательными смычными и африкатами, естественно, утрачивается в пользу простого согласного (например: *ch'uñi* > *chuiño*). В конце слова, как видим, -и в испанском переходит в -о, а -i – в -е. Противопоставление велярного /k/ поствелярному /q/ в испанском передается графически: велярному соответствует графема <с>, а поствелярному – <qu>. Если обычно сохраняющаяся фонема /' / стоит перед согласным, т.е. в позиции, чуждой аналогичному испанскому звуку, то она заменяется на /l/, например: *Atawallpa* в испанизированной письменной передаче – <Atahualpa>, *chillpi* 'лист маиса' > *chilpe*. Фонема /ʃ/ сохранилась, в основном, только в топонимах (например: *Ancash*). в остальных же случаях заменяется на /s/ или /x/ (подробнее см. [Siebenäuger 1993: 56 и сл.]). Сочетание /wi/ передается, по испанской традиции, как <hui>, /wa/ – как <hua> или <gua> (ср. *guagua* 'дитя, младенец' < *wawa*)¹¹.

Как уже говорилось выше (6.1), из-за давности контактов между кечуа и аймара часто нельзя бывает установить, из какого из двух языков происходит то или иное слово. Это относится и к следующим лексемам, попавшим в региональный испанский язык, для которых нельзя однозначно указать язык-источник. Соответствующие индейские формы указываются только предположительно.

Р а с т е н и я и и х п л о д ы , к у ш а н ь я

Chuiño обозначает в Кахамарке вплоть до частей Аргентины, находящихся вблизи нагорья, "картофелины, законсервированные в результате замораживания. вяления на солнце и выжимания оставшейся жидкости" [Siebenäuger 1993: 204]. Так как

¹¹ При переходе многих слов из кечуа в зону гуарани (*Zona guaranítica*) – в Парагвае, прилегающей части Аргентины, в Уругвае – ударение приобретает окситонию, привычную в этой области, ср.: *chiripa* > *chiripá* 'предмет одежды индейцев и гаучо'.

кечуа *ch'uñi* именно это и означает, а аймара *ch'uñi*, кроме того, просто значит 'холодный, ледяной', то есть, семантически менее конкретно, – это слово происходит, вероятно, скорее из аймара, чем из кечуа. *Palta* 'авокадо' (от южного Эквадора до Аргентины). *Poroto* 'боб' (от Колумбии до Уругвая) <кечуа *purutu* или аймара *phurut'i*; *coca* (кечуа *kuka*, аймара *cusa*); *choclo* 'нежный початок маиса' (от Колумбии до Уругвая; кечуа *chuqllu*).

Социальные отношения

China 'служанка индейского происхождения' (Эквадор), 'экономка' (южно-амер.), 'привлекательная молодая женщина' (Перу, Чили, Аргентина), 'сельская женщина' (Сев. и центральное Перу, Чили, Мексика), 'самка' (южное Перу, Боливия) <кечуа *china* 'самка'; аймара *china* в значении 'moza, sirvienta' ("служанка"), видимо, является кечуизмом, тем более что в этом значении слово в боливийском испанском не зафиксировано. Там имеем *imilla* 'moza', по-видимому, <аймара *imilla* 'piña' ("девочка").

Ф а у н а

Alpaca (кечуа / аймара *allpaca* / *allpaka*) – альпака; ископаемое жвачное животное, напоминающее ламу, – *guanaco* (кечуа / аймара *wanaku* / *wanacu*); *llama* 'лама'; *chinchilla* 'Eryomys chinchilla' (кечуа / аймара *chinchilla*, грызун с очень ценным мехом; слово отмечено с 1590 г.); *puma* 'Felis concolor, L.' ("пума").

6.7. Слова, заимствованные из кечуа. Следующие слова распространены в центральной и южной частях Южной Америки, т.е., от Южной Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии – через Чили. Аргентину (вплоть до "гуаранийской зоны") – и далее вплоть до Уругвая, плюс, исключая район Куйо и аргентинскую Ла-Плату, – через Боливию, Парагвай и до Уругвая. Везде, где распространение или множество нюансов значения ограничены, значение приводится по работам [Siebenäuger 1993; Haensch, Werner 1993; Álvarez Vita 1990]. Варианты значения и метафорические употребления указываются по этим же работам.

Здесь, как и в других семантических областях, необходимо различать: понятия широко распространенные и ставшие независимыми от жизни в высокогорье или в инкской культуре, типа *china* (см. 7.4), с одной стороны, и те, которые тесно связаны именно с данной культурой, вне которой являются разве что возможными формами. К последним относятся, например, *aillo* < *ayllu* 'индейская община' и *curaca* 'деревенский староста', 'глава некоторого *ayllu*' (что-то вроде *cacique* в карибской низменности); *pongo* 'слуга-индеец' (от Южного Эквадора до Северной Боливии), неологизм колониальной эпохи¹², и *guarmi* / *huarmi* 'mujer hacendosa' ("помещица") (Южная Колумбия, Эквадор, северо-западная Аргентина).

Растения, их плоды и кушанья; животные

Chaucha 'скороспелый картофель, семенной картофель' < *chaucha* 'сорт скоро-спелого картофеля' (Чили, Перу, Эквадор, Нариньо / Колумбия); значение 'нежный бобовый стручок' сохранилось только в Аргентине. В переносном значении в Южном Перу (от Куско до Такна) – также 'маленький, отставший в развитии человек'. В Чили главное значение – 'монета достоинством в 20 сентаво, бесполезный предмет' [отсюда *chauchera* 'портмоне' и адвербиальное словосочетание (*dar, vender* и т.п.)] *a chaucha* – "отдать, продать" (очень дешево, за бесценок), ср. [Siebenäuger 1993: 105]. *Papa* 'картофель'; *quina* 'хинная кора' < *kina* 'Cinchona calisaia' (дерево, из коры которого

¹² Ср. [Hildebrandt 1969: 320 и сл.]; возможно, из *punku-kama-yoq* 'привратник' от *punku* 'дверь' (> *pongo* 'пропасть, каньон, прорыв потока', Перу); *huasipungo*, собственно, 'дверь дома', от "покровитель эксплуатации переданного участка земли вблизи хижины" (Эквадор), ср. роман Хорхе Икаса (Jorge Icaza) *Huacipungo* (Huasipungo).

добывают хинин); *zapallo*, общеродовое наименование тыквенных растений, < *sapallu* 'cucurbita maxima'; *yuyo* 'зелень, кормовая трава' (в Колумбии – только в Валье-де-Каука и только в медицине) < *yuui* (то же); *quinua* < *kínua/quinao* < *kinuwa* (помимо *kiwina*) 'Chenopodium quinoa', растение в районе Анд, напоминающее рис. *Charquelcharqui* 'вяленое мясо' (от Эквадора до Рио-Плата, Бразилия); *mate* 'чай мате, чай' (Перу, Боливия, Чили), 'сосуд из выдолбленной тыквы (калебас) для питья мате' (от Колумбии до Аргентины, Рио-Плата, Чили) < *mati* 'сосуд из выдолбленной тыквы'; *picho* 'остатки (еды, пепел от сигареты)'. *Cóndor* < *kuntur* 'кондор'; *visuña* 'викунья' (с тонкой шерстью) < *wik'uña*; *guano* 'навоз гуано' < *wanu* 'грязь, кал, помет'.

Виды местности, строения, строительство

Pampa 'широкая, покрытая травой равнина'; *puna* 'голое плоскогорье в Альтиплано (Altiplano)' (Южное Перу, Боливия); *chacra* (*chagra* – Эквадор) 'сад, небольшое поле'; *yinga* 'теплая долина', 'житель теплых долин' (от Эквадора до Боливии); *tambo* 'постоялый двор, ночлег' (Колумбия, Венесуэла до Рио-Плата, Чили); *pascana* 'постоялый двор, автостоянка при автострате' (Южный Эквадор, Перу, Боливия, Аргентина), 'временная остановка в пути' (Колумбия, Эквадор, северо-западная Аргентина) – *hacer pascana, pascanear* (Перу, Аргентина) 'hacer un alto en un viaje' ("делать привал в пути"), *pascar* 'hacer noche / parada al viajar' ("зачековать в пути") < *paskay* 'отвязать' + *-na* 'место, где распрягают (вьючных животных)'; *cancha* 'спортивная площадка, поле' < *kancha* 'пространство, двор, обнесенный изгородью'; во фразеологии, например: *dejar libre cancha a alguien* 'развязать руки, предоставить свободу действий кому-либо'.

Одежда

Chiripa (Боливия, северо-западная Аргентина, Чили, Уругвай) 'taparrabos; paño grande cruzado entre las piernas, característico del indio y del gaucho' < *chirí-pak* 'холодный-для' или *chirí pá(cha)* 'одежда для/от холода' вместо окситонического *chiripá* (Парагвай, Аргентина, ср. [Siebenäuger 1993: 53]; *vincha* 'cinta para sujetarse los cabellos los indios y los gauchos' (Перу, северо-западная Аргентина); *güincha* / *huincha* 'рулетка, сантиметр (лента)' (Перу, Боливия, северо-западная Аргентина), в Чили – любой вид ленты (ср. *sierra de huincha* 'ленточная пила') < *wincha* 'cinta con que las mujeres se rodeaban la cabeza'; *ojota* 'sandalia de cuero' (от северного Эквадора до Андской части Аргентины), < кечуа *ushu'a*; *chullo* (от северного Перу до Боливии), < *ch'ullu* 'gorro con borla u orejeras'.

Болезни, физические и моральные

Soroche 'mal de montaña' ("горная болезнь", ср. [Siebenäuger 1993: 302–305]; *coto* 'bocio' ("зоб") (от Колумбии до Андской части Аргентины), < *q'utu* (то же) – *cotudo* (западная Венесуэла, Колумбия, Боливия, Аргентина, Чили) / *cotoso* (Уануко, Арекипа) 'que tiene bocio' ("обладающий зобом"), 'слабоумный, тупой' (Эквадор), 'медлительный, вялый человек' (Андская часть Аргентины); *chucho* 'женская грудь' (Эквадор, Перу, Боливия). *Chucho* / *chuscho* 'fiebre intermitente, terciana' (Перу, Андская часть Аргентины) < *chuqchu* 'трехдневная лихорадка' – иллюстрация того, что многие кечуизмы распространены вплоть до Буэнос-Айреса, но там в разговорном народном языке "лунфардо" потеряли свое исходное конкретное значение и употребляются только метафорически, здесь – в значении 'страх, вызывающий понос' (фам.).

Остальное, глаголы, фразеология

Yapa 'довесок'; *yapadura* 'добавка, довесок'; *de yapa* 'в подарок', 'сверх того'; *yapar* (от Южной Колумбии до северо-восточной Аргентины, Чили) 'добавить'; *chanca* 'молотый маис' – *chancar* 'размолоть, перетереть' (от Эквадора до северо-восточной Аргентины), 'поколотить' (от Колумбии до Боливии), < *ch'anqay* 'растереть, расто-

лочь'. Подобно английскому *to check*, к которому в немецком добавляется инфинитивное окончание *-en* и конкретизирующие префиксы (типа: *abchecken* "отметить в списке галочкой" и *durchchecken* "проверить по списку"), ведут себя заимствования из кечуа *pallay* 'подбирать, собирать' в региональном испанском – в виде *pallar, tispüy* 'щипать, ущипнуть' в форме *tispir* и *anukay* 'отнять от груди' в форме *anucar* [Siebenäuger 1993: 75]. Главным образом, распространено это в Эквадоре, где оно очень употребительно – особенно в Кито, например: *cainar* 'pasar (el tiempo)' ("проводить время"), < *qaynani* 'провести день', возможно от *qayna* 'вчера', ср. [Siebenäuger 1993: 151].

О полной освоенности многих привычных кечуизмов говорит также и их употребление в переносном значении в устойчивых оборотах. Приведем некоторые примеры по [Álvarez Vita 1990]. *Charqui* (в переносном смысле также 'persona enjuta, arrugada') (Перу, Боливия) употребляется в выражениях типа: *ser un charqui/estar hecho un charqui* 'estar viejo, sucio' (Перу, Боливия, Чили); *hacer/volver charqui a una persona* 'moler a golpes' (Перу, Боливия). Еще несколько примеров таких оборотов ('locuciones'): *las papas queman* 'нечто становится сомнительным, щекотливым'; *a puchos* 'en pequeñas cantidades, poco a poco'; *no valer un pucho* 'no valer nada' (от Колумбии до Аргентины, Уругвай); *importar un pucho* 'no importar nada' (Эквадор, Перу, Чили, Аргентина); *sobre el pucho* 'inmediatamente' (от Перу до Аргентины, Уругвай).

7. Бразилия: влияние языка тупи

Бразилия занимает почти половину территории и населения южноамериканского континента. В ней большое количество индейских племен живет почти за гранью цивилизации. Здесь говорят на многих туземных языках, число носителей каждого из них очень мало. Самую большую группу – 20 тыс. говорящих – составляют тикунa на крайнем северо-западе [Rodrigues 1986]. Языку тупинамба (*tupinambá*), а точнее, "бразильскому языку" (*língua brasílica*), происходящему от него, с огромным всеобъемлющим влиянием в области лексики (особенно в обозначении фауны, флоры, фольклора и национальной кухни, а также именований населенных пунктов, особенностей местности и гидронимов) не может составить конкуренции никакой другой язык Бразилии. Первым описал этот язык патер Жозе ди Аншьета (1595), затем – падре Луис Фигейра (*Arte da Grammatica da lingua do Brasil*, 1621); есть еще несколько рукописных, зачастую анонимных словарей эпохи колонизации, см. [Ayrosa 1934; Drumond 1952-1953]. В Бразилии говорят также и на других – смешанных (метисных) – *línguas gerais*: на *língua geral paulista* и на ньеенгату (*Nheengatu*). Ньеенгату был "fala boa" района Амазонки вплоть до середины XIX в., сегодня на нем говорят еще на довольно большой, но малонаселенной территории в верховьях Рио-Негро [Bessa Freire 1983: 72 и сл.]¹³.

7.1. Влияние тупи в области фонетики и синтаксиса. Влияние тупинамба на звучание бразильского португальского, в частности, в определенных районах Бразилии, а также синтаксическая интерференция, подобная наблюдаемой в андском испанском и в парагвайском испанском, предполагали бы настоящий субстрат или непрерывный адстрат, типа андского или гуаранийской зоны (*zona guaranítica*). Но этого в истории бразильского португальского языка не было, ведь современные бразильцы по большей части являются потомками не носителей языка тупинамба и не носителей

¹³ История его возникновения и распространения в указанной статье подразделяется на пять этапов. За этапом переводов в XVI в. следовала фаза воцарения ньеенгату (*implantação do Nheengatu*), 1616–1686, после чего началась фаза экспансии (1686–1757 гг.): сначала при официальной поддержке (до 1727 г.), затем – без нее. Во время четвертой фазы пытались установить господство португальского языка (1757–1850), вначале попытки эти были не очень успешными. Только позже португальский постепенно завоевывает свои позиции и побеждает [Bessa Freire 1983: 40].

línguas gerais, а португальских переселенцев, которые прибыли сюда позже эпохи расцвета указанных двух языков и были соседями носителей языка тупи. Некоторые явления региональной фонетики иногда объясняются как результат местного влияния, однако без точного знания о структуре тупинамба. Многолетние дискуссии суммированы в работе [Elia 1994], где говорится об интонации, о более сильной назализации ударных носовых гласных, о "prolação nítida das vogais átonas" (там же, с. 563), о переходе [-nd]- в [-n]-, палатального бокового во фрикативный (*mulher* > *muiê*) и об ослаблении и выпадении конечного -r. Однако все эти явления вряд ли можно отнести к индейскому влиянию, тем более что они регионально ограничены: например, некоторые встречаются только на северо-востоке, то есть не в центре поселений тупинамба. В большинстве случаев речь идет о явлениях типичных для португальского языка XVI в., сегодня представляющих португальские регионализмы консервативного севера. Наличие аффрикат /ʒ/ и /dʒ/ в северной части Параны, а также на Юге от Сан-Пауло и Мато Гроссо, считаемое в работе [Silva Neto 1977: 171 и сл.] единственным проявлением влияния языка гуарани или кайнганг, можно объяснить также как архаизм, сохранение северопортугальского произношения. Что касается креолизированной глагольной морфологии в *fala nordestina* и *sertão* (типа: *nós fala-Ø, eles fala-Ø*), то и здесь нет убедительных доказательств индейского влияния.

7.2. Лексика. Только в лексике живы и многочисленны отголоски индейского влияния. В основном это обозначения предметов животного и растительного царства и производные от них (напитки, блюда). Например: *mingau* 'каша из маниока, десерт из муки маниока, молока и сахара' < *manga'ú*; *pirão* 'ensopado' (блюдо с большим количеством соуса или сам этот соус), < тупинамба *mindypyrō* 'размоченный'. Преобладающее большинство тупинизмов возникло из *língua brasílica*, только немногие можно было бы возвести к *língua geral paulista*¹⁴. Заимствования из кечуа, видимо, проникли через посредство испанского в районе Ла-Плата, например: *chácara, chacra* 'маленькое земельное владение, загородный дом', *charque* 'солонина' с многочисленными производными типа *charquear, charqueada, charqueação, charqueador, cancha* 'игровое поле, автодром', *inhapa* < испанское < кечуа *yapa* 'добавка' и *china* 'индейская женщина, *sabocla*'. Только два слова можно с некоторой уверенностью возвести не к тупи. Одно из них, *bazé* 'дешевый табак', происходит явно из северо-восточного карири (Kari'í); другое, *buré* 'каша из маиса' – возможно, также из карири. Оба слова употребительны только в северо-восточном португальском языке. Дальнейшая информация, видимо, будет содержаться в книге А.Д. Родригеса (о выходе которой было объявлено), посвященной описанию бразильской лексики индейского происхождения.

Трудность представляет объяснение давно укоренившихся и часто употребляемых именований *carioca, caboclo* и *caipira*. *Carioca* 'обитатель Рио-де-Жанейро', возможно, происходит от *Cari(j)ó oká* 'потомок индейцев племени кари(ж)о', такая этимология уже давалась Жаном де Лери в 1578; правда, индейцы карио жили тогда не в бухте Гуанабара, а значительно южнее. Основой для образования *caboclo* 'метис, помесь индейской и белой крови; темнокожий, нецивилизованный человек, неотесанная деревенщина', особенно же – 'небелый обитатель Амазонки' [Grenand F., Grenand P. 1990], а также 'Дух индейца' в афро-бразильских культах; истоки этого слова, возможно, лежат в выражении ньеенгату *kariw(a) oká* 'происходящий от белых'. *Caipira* 'нецивилизованный, деревенщина', видимо, пришло из *língua geral paulista* (*ka'a-pýra* 'лесной житель').

¹⁴ К ним относятся: *jacá* 'cesto de taquara ou cipó para carregar' < тупи Сан-Висенте *aiaká*; *socar* 'молоть' < *soká* 'в ступе растолочь'; *cutucar* 'ткнуть кончиком пальца' < *kutúk* 'уколоть'; *áiva* 'плохой', *mirim* (*guardas mirins*) 'маленький' (более употребительно на юге, чем на севере).

Cipó 'лиана', < *usupó* 'лиана', общеродовое название, представленное во многих производных (*cipoal*, *cipoada*) и в составных терминах, обозначающих множество ползучих деревьев и кустарников (например, *cipó-bravo*, *cipó-caboclo* и т.п.). Трава (зеленый корм) в зоне влияния языков науа называется *zacate*, в районе влияния кечуа Испаноамерики – *уцуо*, в Бразилии же – *capim*, < *kapi'i* 'трава'.

К масляничным пальмам относятся: *babaçu* '*Orbignya speciosa*' и *oleifera* 'пальма бабассу' < *wawasú*; *huriti* '*Mauritia vinifera*' и 'flexuosa' < *mbyryti*; *tucum* '*Bactris setosa*', дающая волокна, например, для изготовления гамаков < *tukũ*; родственным им является *tucumã* '*Astrocaryum tucuma*', пальма, также служащая сырьем для *tucum* и из маслянистых плодов которых получают винный напиток. Важным видом восковой пальмы является *carnaúba* '*Copernicia cerifera*' < *karaná-yba*.

К тропическим фруктам относятся, например: *guaraná* 'гуарана, *Paullinia cupana*, Н. В.К.', лиана, плоды которой богаты кофеином, < ньеенгату < маве *waraná*; *abacaxi* 'ананас', < *abacaxii* "uma especie de ananáz" [Ayrosa 1934: 133]; слово (*a*)*nana(s)* (ананас), получившее распространение в языках Европы благодаря Жану де Лери (см. 5.1.2), в амазонских языках семьи тупи-гуарани известно как *nanã*, однако трудно установить его происхождение в значении *abacaxi*. Слово *maracujá* '*Passiflora edulis*' < *mhorukujá*; *caju* < тупи *akajú*, плод *cajueiro* '(деревцо) анакард, *Anacardium occidentale*'; тупи *mandi'ok-a* > бразильский португальский *mandioca* 'маниок'. Немецкое (и русское) именование восходит к французскому *manihot*, пришедшему от Жана де Лери и ставшему источником для латинского *Manihot utilissima*.

Фауна и виды местности

Cupim 'термит' и 'термитник' < *kupii*; *tatu* 'броненосец' < *tatú* (то же); *tamanduá* 'муравьед' < *tamanduá* (то же); *capivara* 'Capibara' (самый крупный из невымерших грызунов, *Hydrochoerus hydrochoeris* L.) < *kapii-guara* 'имеющий отношение к травам, обитатель густых прибрежных зарослей'. Самый известный хищник, *jaguar* < *jagwar-a* сегодня чаще называется *onça* < греч.-лат. **lunceá* 'рысь' или *jagareté* < *jagwar-eté* 'ягуар + увеличительный суффикс'; простое именование *jagwara* в тупи-гуарани было перенесено на собаку, привезенную из Европы: *jaguara* в южной Бразилии означает "дворняжка". Слово *tapir* < *tapi'ir-a* (мбья *tapi'i*, гуарани *tapii*) 'тапир' в Европе закрепилось (благодаря Жану де Лери) раньше, чем в Бразилии, где более распространён арабизм *anta*¹⁵.

Igaró < тупи *y aró*, иезуиты писали *ugaró*, 'временно подтопленная территория, зона наводнения'; *igarapé* < *yár-apé* 'путь на каноэ', с XVII в. зафиксировано как *ugarapê* 'узкий, только на каноэ доступный путь по воде' (ср. топонимы *Igarapé Grande* в Мараньяо и *Igarapé Mirim* в Пара). Разновидностью сухой местности на северо-востоке является поросшая колючими кустарниками *caatinga*, < тупи *ka'á tíng-a* 'белый лес'.

Фразеология и глаголы

Португальский язык Бразилии пропитан весь, вплоть до народной фразеологии, традициями *língua geral*. К типичным идиоматическим оборотам относятся выражения наименее формального регистра, такие как: *estar/andar na pindaíba* 'быть погорельцем'

¹⁵ К пресноводным рыбам относятся не только пирании – *piranha* < *pirã-i-a* 'пирания', но и съедобные рыбы, такие как *surubim* 'платистомы и псевдоплатистомы', *Sorubim*, 'Bleek' < *surubí*, *tucunaré* '*Cichla ocellaris*, Sch.' < *tukũ aré* 'упавший плод пальмы тукум', видимо, поскольку эта рыба тукунаре во время половодья ест плоды; *tambaqui* (*Colossoma Bidsens*, Spix). Самая крупная пресноводная рыба, достигающая в длину до 3 м, – *pirarucu*, 'Arapaima gigas, Cuv.', < *pirá (u)rukú* '[на животе], *Urukú* – красная рыба'.

< *pindá yhá* 'удочка', то есть, собственно говоря, 'висеть на удочке'; или: *estar no tipiti* 'сидеть в луже', < *tyrutyí* 'корзина из пальмовых веток для выжимания сока из маниока'; *andar ao atá* 'бесцельно, бессмысленно идти / бродить' < *watá* 'идти'; *chorar pitanga* < *pitanga* 'темно-красный' [Ayrosa 1934]; *ser pacova* 'быть дураком, глупым' < *pakóva* 'банан'; *aíva* 'беспольный, нездоровый, негодный' < *aí-va* 'плохой предмет / человек'.

К глаголам, также имеющим помету "просторечие", относятся, например, не только *acaboclar-se* 'tomar aspecto de caboclo, tornar-se rústico', *acaipirar-se* 'одичать', но и *capinar* 'limpar de carim'. К словообразовательным элементам, входящим в состав именований фауны и флоры из языка тупинамба, относятся: аугментатив *-açu*, диминутив *-mirim*, имитатив *-rana* (для обозначения сходства, например, в *suçuarana*, *cajurana*).

8. Заключение. Проблема субстрата, суперстрата и интерстрата

Исследование исторических и современных контактов между языками коренного американского населения и романскими языками (португальским в Бразилии, испанским в Испаноамерике и французским в Канаде, США, на Карибских островах и во Французской Гвиане) долгое время страдало отсутствием как принципов сбора достаточных и адекватных данных в области языков американских индейцев (поэтому все было очень предположительно), так и лингвистических предпосылок (у авторов монографий и статей на эту тему) для отделения фантазии от фактов. Это общее положение стало заметно меняться в 1960-е годы в лучшую сторону. Многочисленные лингвисты занялись в это время "открытием" все новых индейских языков, особенно в США (где и раньше внимание было обращено в основном на языки Северной Америки и Мексики); к автохтонным языкам Испаноамерике и Бразилии, до этого не удостоивавшимся пристального внимания ученых и общественности, интерес также возрос. Одновременно с этим, в результате развития исследований в области языковых контактов сегодня известно больше о видах и возможностях влияния языков индейцев на испанский и на португальский в историческом аспекте, а также и о современных контактах.

Главную трудность в области языков американских индейцев, языковой теории и методики языкознания составляет то, что, исследуя влияние языков, мы имеем дело с процессами, завершившимися в ранние эпохи испанской и португальской колонизации. В те времена лексемы заимствовались из таино и из карибского куманато и получили дальнейшее распространение по ходу дальнейшего завоевания (Conquista) Америк. Тогда же ацтекизмы дошли вплоть до Южной Америки, кечуизмы – до Чили, мапучизмы – распространялись в границах Чили, тупинизмы – в границах Бразилии. Соответствующие лексические элементы вошли в каждую из региональных разновидностей испанского в качестве адстрата, причем испанцы-монолингвы далеко не всегда непосредственно осваивали местные языки. Лишь немногие заимствования получили широкое распространение в более поздние периоды колониальной эпохи. Сегодня недостаточно информации о механизмах этих заимствований и их распространении, нет еще предварительных сведений о распространении индигенизмов в XX в., когда увеличились как расхождения между европейским и заморским испанским и португальским языками, так и внутриамериканские (в частности, и внутрибразильские) взимозаимствования.

Совсем иначе обстоит дело с вопросом о субстрате, здесь мы продолжим рассуждения, начатые в первой части (1.5). Необходимо четко различать: собственно субстрат – влияние давно вымерших языков на испанский язык, на котором говорят потомки их носителей (к португальскому какое-либо понятие субстратного отношения поэтому больше не применимо, см. 7.1), с одной стороны, а с другой – субстратное отношение в узком смысле слова, когда современные носители индейских языков вносят в свою испанскоязычную речь произношение, грамматические и синтаксические структуры, лексику и кальки из своих родных языков. Для такого понятия языкового

контакта пока еще не существует термина, указывающего на параллелизм с субстратом как историческим понятием. Для этого я и предлагаю понятие "интерстрат".

В языковых зонах, в которых туземные языки полноценно используются, мы сталкиваемся как с унаследованными чужеродными заимствованиями – например, с ацтекизмами в районе майя (Гватемала) или кечуизмами в районе мапуче (Чили), или в "гуаранийской зоре" (Парагвай, северо-восток Аргентины), с одной стороны, а с другой – общество разбито на группы монолингв, индейское влияние на которые, по-видимому, только исторически унаследовано, и на группы носителей индейских языков, владеющих испанским как вторым языком. Последние постоянно подвергаются ассимиляционному давлению, интерференция наблюдается и в их испанской речи, и в речи на родном языке и приводит к конвергентному стабильному изменению индейского языка, а также к выработке сравнительно стабильного "промежуточного языка" (*lengua media*) в испанском в опоре на структуры родного индейского языка. Именно эту местную основу такого относительно стабильного промежуточного языка я и называю "интерстратом". Интерференция – влияние на уровне речи, это окказиональные явления контакта, за которыми не лежит, по-видимому, никаких стабильных структур; интерференция зависит от уровня компетенции говорящего и намерений его выражения. Однако постоянно подпитываемая интерференция ведет при постоянном ассимиляционном давлении в испанской и португальской Америке к различным интерстратам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ¹⁶

- Álvarez Vita J. 1990 – Diccionario de peruanismos. [Lima]. 1990.
- Ayrosa P.M. da Silva 1934 – Diccionario portuguez-brasiliano e brasiliano portuguez // Revista do Museu Paulista, 1934. V. 18, 17–322 (словарь ныеенгату).
- Bessa Freire J. 1983 – Da "fala boa" ao português na Amazônia brasileira // Amérindia, 1983. V. 8. 39–83.
- Buarque de Holanda Ferreira A. 1986 – Novo dicionário da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1986.
- Büttner Th. 1993 – Uso del quichua y del castellano en la sierra ecuatoriana. Quito, 1993.
- Büttner Th.Th. 1983 – Las lenguas de los Andes Centrales. Madrid, 1983.
- Carranza Romero F. 1993 – Los resultados del contacto quechua y español. Trujillo; Peru, 1993.
- Cerrón-Palomino R. 1987 – Lingüística quechua. Cuzco, 1987.
- Champion J.J. 1984 – Nahuatlisms in Mexican Spanish and classical Nahuatl noun morphology // Pulgram E. (ed.). Romanitas: Studies in Romance linguistics. Ann Arbor, 1984.
- Cuervo R.J. 1955 – Apuntaciones críticas sobre el lenguaje bogotano. Bogotá, 1955.
- da Cunha A.G. 1978 – Dicionário histórico das palavras portuguesas de origem tupi. São Paulo, 1978.
- da Silva Neto S. 1977 – Introdução ao estudo da língua portuguesa no Brasil. Rio de Janeiro, 1977.
- Dietrich W. 1999 – A importância do tupi na formação do português do Brasil // Gärtner E., Hundt Ch., Schönberger A. (eds.). Estudos de história da língua portuguesa, Frankfurt-am-Main, 1999.
- Drumond C. (ed.) 1952–1953 – Vocabulário na Língua Brasileira. V. A–H. São Paulo, 1952; V. I–Z. São Paulo, 1953.
- Elia S. 1994 – O português do Brasil // Holtus G., Metzeltin M., Schmitt C. (Hrsg.). Lexikon der romanistischen Linguistik. Tübingen, 1994.
- Escobar A. (ed.) 1978 – Variaciones sociolingüísticas del castellano en el Perú. Lima, 1978.
- García Fajardo J. 1984 – Fonética del español de Valladolid, Yucatán. México, 1984.
- Garza Cuarón B. 1987 – El español hablado en la ciudad de Oaxaca, México. México, 1987.
- Grenand F., Grenand P. 1990 – L'identité insaisissable. Les Caboclos amazoniens // Études rurales 120.1990.
- Gutiérrez Marrone N. 1980 – Estudio preliminar de la influencia del quechua en el español estándar de Cochabamba, Bolivia // Scavnický G.E. (ed.). Dialectología hispanoamericana. Estudios actuales. Washington, 1980.

¹⁶ Некоторые работы, указанные здесь, цитировались и в первой части и содержатся в библиографии к ней.

- Haensch G., Werner R. (eds.)* 1993 – Nuevo diccionario de argentinismos. Bogotá, 1993.
- Hardman M.J. (ed.)* 1981 – The Aymara language in its social and cultural context. Gainesville, 1981.
- Hardman-de-Bautista M.J.* 1982 – The mutual influence of Spanish and the Andean languages // 'Word'. 1982. V. 33.
- Hildebrandt M.* 1995 – Peruanismos. Lima, 1995.
- Karttunen F.* 1985 – Nahuatl and Maya in Contact with Spanish. Austin, 1985.
- Lara J.* 1978 – Diccionario qhëshwa-castellano, castellano-qhëshwa. La Paz, 1978.
- Lipski J.M.* 1989 – /s/-voicing in Ecuadorian Spanish // *Lingua* 79. 1989.
- Lipski J.M.* 1990 – Aspects of Ecuadorian vowel reduction // *Hispanic linguistics* 4. 1990.
- Lope Blanch J.M.* 1967 – La -r final del español mexicano y el sustrato nahua // *Thesaurus*. 1967. V. 22.
- Lope Blanch J.M.* 1967–1970 – La influencia del sustrato en la fonética del español de México // *RFE* 50. 1967–1970.
- Lope Blanch J.M.* 1969 – El léxico indígena en el español de México. México, 1969.
- Lope Blanch J.M.* 1971 – El léxico de la zona maya en el marco de la dialectología mexicana // *NRFH* 20. 1971.
- Lope Blanch J.M.* 1974 – Indigenismos en la norma lingüística culta de México // *Estudios filológicos y lingüísticos: homenaje a Ángel Rosenblat en sus 70 años*. Caracas, 1974.
- Lope Blanch J.M.* 1983 – Estudios sobre el español de México. México, 1983.
- Lope Blanch J.M.* 1990–1995 – Atlas lingüístico de México. V. 1–3. México, 1990–1995.
- Martín H.E.* 1976–1977 – Un caso de interferencia en el español paceño // *Filología*, 1976–1977. V. 17–18.
- Morínigo M.A.* 1998 – Nuevo diccionario de americanismos e indigenismos. Buenos Aires, 1998.
- Muysken P.* 1979 – La mezcla de quechua y castellano. El caso de la "media lengua" en el Ecuador // *Lexis*. 1979. V. 3.
- Nardi R.L.J.* 1976–1977 – Lenguas en contacto: el sustrato quechua en el Noroeste argentino // *Filología*. 1976–1977. V. 17–18.
- Pfeiler B.* 1986 – Yucatán: Das Volk und seine Sprache: Zwei Fallstudien zur Bilinguissituation. Diss. Wien, 1986.
- Pozzi-Escot I.* 1972 – El castellano en el Perú: norma culta nacional versus norma culta regional // Escobar A. (ed.). 1972.
- Robelo C.A. s.a.* – Diccionario de aztequismos. 3-a ed. México. s.a.
- Santamaría F.J.* 1974 – Diccionario de mejicanismos. Méjico, 1974.
- Schwamborn I.* 1987 – Die brasilianischen Indianerromane O Guarani, Iracema, Ubijara, von José de Alencar. Frankfurt; Bern, 1987.
- Siebenäuger G.Ph.* 1993 – Quechuismen im Spanischen Südamerikas. Frankfurt-am-Main, 1993.
- Tatevin P.C.* 1910 – La langue tapihya dite tupi ou ríngatu (belle langue). Grammaire, dictionnaire et textes. Wien, 1910.
- Torero A.* 1983 – La familia lingüística quechua // Pottier B. (coord.). América Latina en sus lenguas indígenas. Caracas, 1983.
- Toscano Mateus H.* 1953 – El español en Ecuador. Madrid, 1953.
- Vázquez H.* 1980 – El quichua en nuestro lenguaje popular // *Anales de la Univ. de Cuenca*, 1980. V. 35.
- von Gleich U.* 1989 – Educación primaria bilingüe intercultural en América Latina. Eschborn, 1989.
- Zimmermann K.* 1992a – Sprachkontakt, ethnische Identität und Identitätsbeschädigung im Prozeß der Assimilation der Otomí-Indianer an die hispanophone mexikanische Kultur. Frankfurt-am-Main, 1992.
- Zimmermann K.* 1992b – Die Sprachensituation in Mexiko // Briesemeister D.; Zimmermann K. (Hgg.). Mexiko heute. Politik, Wirtschaft, Kultur. Frankfurt-am-Main. 1992.

Перевел с немецкого
В.З. Демьянков